

О. Я. Баев
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПУНКТИР

Недавно подготовленная мною к изданию книга, как я первоначально задумал, должна была предвшаться многостраничным автобиографическим опусом. Я даже красивые возможные для него названия придумал: «Взгляд из окна, выходящего в прошлое» или «Осколки неразбитого зеркала»... А потом подумал: кому нужна моя автобиография, не считая самых моих близких людей? Оставляю я ее, как говорят в Одессе, «на потом» (конечно же, «Е. Б. Ж»), как замечал, планируя свою работу, Л. Н. Толстой в дневниках последних лет – «если буду жив»).

А потому здесь – сугубо конспективно, пунктирно лишь «опорные точки» жизни «человека, на неделю опоздавшего на войну», с авторскими комментариями к ним (которые я выделил курсивом).

Мне кажется, что объективных воспоминаний в полном смысле этого слова – не бывает, не может быть (достаточно сравнить мемуары разных лиц, посвященные одному и тому же событию, да просто показания очевидцев одного и того же – только что произошедшего – события). Что уж говорить, когда пытаешься вспомнить прошлое – в памяти одно накладывается на другое, подсознание ненавязчиво вытесняет то, что было, но что уж больно не хочется вспоминать, оценка «имевших место быть» фактов, увы, часто производится со склона нынешнего возраста. Это – не ВОспоминания, это – ВСпоминания!

Родился я (если говорить красиво) в первой половине последнего века минувшего тысячелетия в стране, которой больше нет, – 28 июня 1941 года в городе Воронеже.

Потом – по развитию военной ситуации – нас всех: родителей, старшего моего брата Льва и, само собой, меня – вместе с авиационным заводом, на котором работал отец, эвакуировали в Куйбышев (бывшая и нынешняя Самара).

Жили мы в бараке в пригороде с символическим названием «Безымянка» (говорят, этот район существует и сейчас). По словам мамы, зимой мои пеленки примерзали к стенке барака, а летом ей приходилось то и дело их полоскать – становились влажными не столько от естественных физиологических процессов, сколько от жары.

Из куйбышевского детства, бликом неким, вспоминается, как сижу в кинотеатре на коленях матери и оглушительно воплю: «Зааза, хочу домой! Пошли домой, зааза!»

Помнятся еще, колонны людей под конвоем (говорили, что это пленные немцы), ростом с меня сугробы и постоянное ощущение холода...

Больше ничем ни война, ни Куйбышев мне не запомнились. Это потом, значительно позже, война стала «участвовать во мне» (как писал Левитанский), как и многое другое: книги, Бабий Яр, ГУЛАГ...

В 1946 году по настоятельным советам врачей – и у отца, и у брата была бронхиальная астма (у меня она началась, а потому не кончается, лет этак через десять) – мы переехали в Ялту. В феврале 1948 года, когда мне шел седьмой год, отец умер.

До этого времени мать никогда не работала и, как я понимаю, не имела какой-либо профессии. После смерти отца она сначала за какие-то небольшие деньги работала счетоводом в бухгалтерии поликлиники, кассиром в кинотеатре, а потом – продавцом в киосках «Союзпечати» (в этом качестве она продолжила работать и после нашего возвращения в Воронеж). Киоск для себя она всегда подбирала ближе к дому, чтобы чаще быть с нами.

Я никогда по-настоящему, как многие мои сверстники, не голодал. Но недоедал – часто. Наверное, поэтому и сейчас, не годы – десятилетия спустя, я не могу, чтобы дома не было хлеба...

Как-то внезапно для себя научился читать. Книг в доме было много, читал все подряд, любил книги.

Это не помешало однажды оторвать от какого-то фолианта громадную кожаную обложку, продырявить в нескольких местах, завязать через дырки проволоочки и сделать из нее щит – мы тогда с увлечением рубились друг с другом на плохо обструганных палках, гордо именуемых мечами. До сегодняшнего дня обложку жалко, главное – а какую же книгу я изувечил?

Попалась раз книга вообще без обложки и названия. Что-то об обсерватории и ее людях «около войны». Сюжета не запомнил, но осталась от чтения тоскливая и нежная мелодия. Потом, уже в более сознательном возрасте, долго искал – что это было... И нашел: «Созвездие гончих псов» Паустовского. После этого больше не перечитывал – боюсь погубить интонацию воспоминания...

Мама умерла в 1980 году. Брат с конца восьмидесятых живет в Израиле.

В начале 1957 года мы возвратились в Воронеж. В том же году, окончив 9 классов, я начал работать слесарем, как пишут в официальных автобиографиях, «на ряде различных предприятий г. Воронежа».

Три года – в монтажной конторе облкомхоза. Затем появилась «тяга к перемене мест»: поменял несколько заводов; пару месяцев был слесарем-сантехником в театре музыкальной комедии (посмотрел все спектакли – большинство не понравилось, ушел; это единственное мое «музыкальное прошлое»); несколько месяцев проработал в должности, которая и до сего дня остается для меня загадочной, – завхоза Центрального районного суда.

Кстати сказать, председателем суда в то время был Лев Дмитриевич Кокорев – будущий доктор юридических наук, профессор, заведу-

ющий кафедрой уголовного процесса и криминалистики университета, под руководством которого я впоследствии проработал более десяти лет. Но завхозом я был таким, что он меня на этом «поприще» абсолютно не запомнил.

Параллельно с «монтажничеством» я в 1958 году окончил 10 класс вечерней школы.

Думал я поступать в технический вуз. Ну, хотелось мне почему-то конструировать. И не что-либо, а самолеты! Однако голубая эта мечта моя была беспощадно, без особых раздумий и промедлений пресечена... районным окулистом. Заполняя положенную ему графу в справке о здоровье, без которой документы в приемную комиссию любого вуза не принимали, он так прокомментировал мою будущую «стезю»: «Тебя с таким зрением не только в инженеры, даже в ботаники не возьмут, правда, в армию – тоже. Хляй из кабинета и думай о чем-нибудь гуманитарном».

В ботаники мне хотелось не больше, чем в армию.

Из гуманитариев на память приходили знаменитые а) философы; б) историки; в) филологи. Все – в очках, в ермолках, пахнущие пылью и скучные, как церковные мыши. «Страшно далеки» они были от меня тогдашнего...

– А еще есть юристы, – запивая портвейн парным молоком (мы в это время монтировали что-то железное в коровнике опытного хозяйства сельхозинститута – потому и молоко), задумчиво сказал «бугор» (так, думаю, и сейчас зовут бригадиров), – они, вроде тоже, из тех, как их, хомониториев?

Так и определил он мою будущую профессию. Можно сказать, на путь истинный наставил. Во-первых, действительно, юристы – «хомонитории», а потому соколиное зрение им не нужно, во всяком случае, на момент поступления в вуз. Во-вторых, к этому времени я прочитал массу детективов, и не только о майоре Пронине (был такой герой многочисленных советских детективов и анекдотов о доблестных чекистах), попадались мне и Сименон, и Агата Кристи...

Вот так в том же 1958 году я поступил на вечернее отделение вновь созданного юридического факультета Воронежского госуниверситета.

Собственно, я поступал в Воронежский филиал Всесоюзного юридического заочного института, который возглавлял Роман Васильевич Литвинов. Но перед началом занятий Р. В. собрал поступивших и торжественно сообщил, что филиал ликвидируется, создается в университете вечернее отделение юридического факультета, деканом которого он назначен. Затем он предложил каждому сделать выбор: остаться в ВЮЗИ, либо написать заявление о переводе в ВГУ, уточнив при этом, что в ВЮЗИ учатся около четырех лет, а в ВГУ – шесть (учитывая, что отделение – вечернее).

Но когда тебе 17 лет, какое имеют значение лишние год-полтора учебы! Да к тому же – в ВГУ!

Так я стал «первым студентом» – студентом первого набора юридического факультета Воронежского государственного университета.

На курсе было нас всего 25 человек. В основном это были люди в возрасте, многие – с Войны. В числе моих однокурсников – летчик-штурмовик Василий Павлович Сидякин, Герой Советского Союза. То, что я учился с ним, тоже было для меня неким воспитанием.

В следующем году было создано дневное отделение нашего факультета, и те немногие молодые вечерники, которые имели возможность, – я нет – перевелись на стационар.

В октябре 1962-го, в возрасте 21 года, исполнилось мое нетерпеливое желание: я стал следователем прокуратуры; иными словами, перешел «на легальное профессиональное положение».

Сначала – так сложилось – работал в нескольких глухих районах Калужской области, затем – в Рамонском районе Воронежской области, а с 1967 года – в самом Воронеже.

И сейчас убежден, что это были самые счастливые мои годы: следствие я любил, считал и считаю его настоящей мужской работой. Да и оно у меня, как мне кажется, «получалось». Следственных подлостей допустил, думаю, немного. Несколько помню до сегодняшнего дня, и во снах иногда в причинах их разбираюсь...

Проработал я следователем ровно одиннадцать лет, уволился в связи с переходом на работу в университет.

А было это так. Появилось тревожное и перманентно-постоянное чувство, что устал я от следствия, люди мне надоели. А их – жалко, и потому – уходить надо (другого места для себя, кроме как следователь, в прокуратуре я не видел).

Однажды осенью семьдесят третьего встретил на проспекте Революции своего бывшего декана – Романа Васильевича Литвинова.

– Читайте вас, почитываю, – говорит он (а я тогда, кроме всего, писал детективы и популярные криминалистические очерки, которые время от времени публиковались, в том числе, и в местных газетах). – Не надоело ли вам следствие? Вам бы в университет, вы же, – льет он бальзам на мою изболевшуюся (смотри выше) душу, – человек по складу университетский.

И тогда в октябре 1973 года, я сменил петлицы со звездой младшего советника юстиции (то бишь майора) на гордое звание «старший лаборант кафедры уголовного процесса и криминалистики Воронежского государственного университета» (при знакомстве с кем-либо я представлялся скромно и просто – «научный сотрудник кафедры»).

При этом я потерял треть ежемесячной зарплаты. Говорю об этом потому, что если нынешний следователь, даже с небольшим опытом, рискнет повторить тот мой шаг, он потеряет не треть зарплаты, а, как минимум, на порядок больше. Видимо, в этом основная причина того, что криминалистике (да и другим юридическим дисциплинам ярко выраженной прикладной направленности) студентов сегодня за-

частую обучают преподаватели, знающие о расследовании преступления в основном по книгам и детективным телесериалам.

Вскоре я стал преподавателем, а затем доцентом все той же кафедры.

Кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон» защитил в 1976 году в Белорусском государственном университете.

Научный руководитель – профессор Геннадий Федорович Горский; официальные оппоненты – доктор юридических наук, профессор Михаил Павлович Шаламов, кандидат юридических наук, доцент Николай Николаевич Гапанович. Они все уже ушли, светлая им память. (Несколько лет назад под моим научным руководством подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации Вадим и Максим Горские – внуки (!) Геннадия Федоровича.)

Докторскую диссертацию на тему «Конфликтные ситуации на предварительном следствии (процессуальные и криминалистические средства предупреждения и разрешения)» защитил в 1986 году в Ленинградском государственном университете.

Официальные оппоненты – доктора юридических наук, профессора Игорь Евсеевич Быховский, Феликс Викторович Глазырин, Иван Филиппович Крылов.

В том же 1986 году был избран на должность заведующего кафедрой криминалистики, в коей состою по настоящее время.

Написал ряд монографий, комментариев к уголовному и уголовно-процессуальному закону, учебных и научно-практических пособий, еще больше – научных статей (список, как пишут в официальных документах, прилагается).

Первой моей, можно сказать, научной публикацией была статья с незатейливым названием «Магнитофонная запись показаний обвиняемого помогла суду в установлении истины», написанная по материалам расследованного мной уголовного дела и опубликованная в 1968 году в периодическом издании Генеральной прокуратуры СССР «Следственная практика» (Выпуск 80).

Был руководителем (научным консультантом) ряда докторских и кандидатских диссертаций (список, опять же, прилагается).

Большинство из преподавателей кафедры – мои ученики. С одной стороны, это, несомненно, хорошо – школа; с другой, – к сожалению, неожиданных для меня оригинальных и еретических научных идей в этой же связи у них маловато...

Без ложной скромности скажу, что одной из своих заслуг перед наукой считаю создание совместно с профессором Л. Д. Кокоревым докторского диссертационного совета по специальностям 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность и 12.00.14 – административное, муниципальное и финансовое право.

Ряд лет, после безвременного ухода из жизни Льва Дмитриевича, я являлся председателем Совета (ранее был заместителем председателя).

В разные годы «иногородними» его членами были Татьяна Витальевна Аверьянова, Рафаил Самуилович Белкин, Владимир Иванович Комиссаров, Владимир Михайлович Корнуков, Елена Рафаиловна Россинская и другие ведущие ученые в области криминалистики.

Наш диссертационный совет, по моему убеждению, был и остается одним из наиболее представительных и стабильных в стране. Сейчас его весьма успешно возглавляет профессор Юрий Николаевич Стариков – глубоко одаренный и работоспособный ученый, единственным существенным «недостатком» которого для меня является то, что он не криминалист, а «административщик».

Более двадцати лет я – практикующий адвокат по уголовным, сами понимаете, делам.

О личной жизни (в пределах, без которых нельзя обойтись в автобиографических повествованиях): женат я – страшно сказать – сорок пять лет! Жена – кандидат наук, профессор кафедры математических методов исследования операций факультета прикладной математики, информатики и механики нашего университета (и это притом, что я таблицу умножения временами вспоминаю с трудом!).

Скажу честно: не будь ее, я никогда не стал бы тем, кем стал (сами понимаете, в лучшем смысле этого выражения). Я ей благодарен не только за наших замечательных детей (а следовательно, и за прекрасных внуков), но и за постоянно подставляемое в любых ситуациях (а они случались и случаются всякие!) плечо, за помощь во всем, за надежный свой тыл.

Сын Максим (родился в 1969 г.) – доктор юридических наук, профессор, один из ведущих специалистов страны по проблемам теории и практики уголовной защиты, активно действующий адвокат; дочь Анна (год рождения – 1973) – ответственный банковский служащий. Старшая внучка Ксения – студентка нашего факультета (третье поколение юристов!), остальные внуки – школьники и детсадовцы.

По большому счету, я – человек счастливый.

Мне мало кто в жизни помогал, но и мало кто всерьез мешал.

И воспитывали меня хорошие люди.

...Как-то я побывал в Царском Селе и на стене лица увидел «справку-уведомление»: «Здесь воспитывался Пушкин». Не «учился», а именно «воспитывался»...

Воспитывают и те, с кем ты не был лично знаком, но кого читал или слушал. Как младший (ненамного) брат детей XX съезда до сего дня ощущаю себя воспитанником многих своих современников (перечисляю не по значимости, а по тому, как вспоминаются): Андрея Дмитриевича Сахарова, Варлама Тихоновича Шаламова, Александра Исаевича Солженицына, Паустовского (кстати, в свое время мне пришлось расследовать дело об убийстве собаки Константина Георгиевича), братьев Стругацких, Василия Аксенова, Анатолия Жигулина, Булата Окуджавы («Чехова с гитарой», как называл его Евгений Евтушенко), Андрея

Вознесенского, Александра Галича и многих других из поколения «шестидесятников»...

В мои годы могут меняться мнения, но не убеждения.

Это было великое поколение и, вопреки общепринятому сейчас мнению, – поколение победивших.

Мало кому из нынешней молодежи что-либо говорят имена Людей, «сделавших» это поколение, – «вечного зэка», умершего в тюрьме при голодовке, – Анатолия Марченко, генерала Петра Григоренко, Петра Якира, других... многих... Но именно их зачастую трагической и не известной уже нынешней молодежи судьбе мы обязаны исчезновением патологического страха перед государством, сакрального отношения к его руководителям.

Тем, что можем читать те книги, которые хотим читать, можем ездить, куда хотим (и, главное, оттуда возвращаться), и даже – как это, на первый взгляд, не покажется парадоксальным – наполненными полками наших магазинов.

Правда, менеджеров и политиков из большинства из них не получилось, но они сделали все, что могли, свое – что не могли не делать – сделали.

С искренней благодарностью я вспоминаю своих уже ушедших учителей и друзей по жизни и по науке.

Художника Аркадия Павловича Васильева, воспитавшего во мне чувство понимания (точнее – ощущения) живописи: от Микеланджело, Ван-Гога, Модильяни, Филонова – до Пикассо и Дали.

Первого своего прокурора из «тьму-тараканского» Брятинского района Калужской области Петра Яковлевича Сулимова, прокурора-криминалиста прокуратуры Воронежской области Михаила Лейбовича Тынкова.

Поэта и прозаика, моего соавтора по нескольким детективным рассказам Валерия Борисовича Мартынова.

Редактора издательства Воронежского государственного университета Людмилу Николаевну Нечепаяеву, бестрепетной рукой вычеркивавшую из моих рукописей всякие несутрастности, преподававшую мне первые уроки технологии научного писания.

Профессоров Рафаила Самуиловича Белкина, Игоря Евсеевича Быховского, Ивана Александровича Галагана, Геннадия Федоровича Горского, Василия Федоровича Зудина, Льва Дмитриевича Кокорева, Дмитрия Петровича Котова, Владимира Ивановича Шиканова...

О каждом из них у меня много благодарных слов в памяти...

У меня сложились и сохраняются дружеские отношения со многими ведущими криминалистами как нашей страны, так и Украины, Беларуси, Польши, других стран ближнего и дальнего зарубежья. Время от времени мы встречаемся на различных конференциях и симпозиумах, чаще – обмениваемся своими работами, сопровождая их «душевными» дарственными автографами (некоторые из них я позволил себе в этом издании воспроизвести).

Несомненно, повезло мне в том, что факультет наш многие годы возглавляет талантливый организатор – профессор Валентин Анатольевич Панюшкин, обеспечивающий – и это мне (как специалисту по конфликтам) представляется самым важным – в целом благожелательную, бесконфликтную, но требовательную обстановку в нашем очень непростом коллективе. И, что для меня и моих коллег также очень важно, не жалеющего денег факультета на издание научных трудов своих сотрудников.

Повезло и в том, что на факультете работает много известных ученых и творчески активных молодых преподавателей.

Да и студенты у нас, в большинстве своем, – хорошие. В самом деле, скажу без ханжества и старческого брюзжания, – очень хорошие!

Им, студентам, да и не только студентам, хотел бы лишь пожелать, чтобы чаще вспоминали слова Пети Трофимова (тоже студента) из чеховского «Вишневого сада»: «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать».

А что пожелать себе к юбилею?..

«Чуть помедленнее, кони!..»

Воронежский государственный университет

Баев О. Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: baev@law.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Baev O. Y., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Head of the Criminology Department

E-mail: baev@law.vsu.ru

Tel.: 8(473) 220-85-14